

ОЦЕНКА КАК ВИД КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И КОМПОНЕНТ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

В статье рассматривается существующее в рамках когнитивного подхода понимание оценки как вида когнитивной деятельности человека и определяется место оценочного компонента в структуре лексического значения слова.

Ключевые слова: оценка, когнитивная деятельность, лексическое значение, оценочный компонент, эмотивный компонент.

Когнитивный подход в рассмотрении оценки предопределил трактовку ее как ментального процесса, «акта человеческого сознания, заключающегося в сравнении предметов, сопоставлении их свойств, определении роли в жизнедеятельности субъекта и его результатов, закрепляемых в сознании и языке в виде позитивного, негативного и нейтрального отношения» [6: 223], а также как специфической разновидности познавательной/когнитивной деятельности человека [2: 10], [3: 7].

В языке оценка определяется как языковая категория, являющаяся отражением логической категории, мыслительных процессов, приводящих к установлению ценности всевозможных объектов [15: 58], что выделяет, на наш взгляд, важный момент, проясняющий природу оценки, а именно ее опосредованность признанными в обществе ценностями.

Особенность оценки как разновидности когнитивной деятельности человека состоит в соотношении объекта оценки по тому или иному признаку (основанию оценки) с некоторой шкалой или эталоном и определении его места относительно этих координат. Иными словами, субъект оценки наделяет объект оценки значимым для него (субъекта) признаком (ср. рус.: *полезный, вредный, интересный, скучный*; нем.: *gesund/ ungesund (Essen), interessant, langweilig, schön*) или определяет его количественно (вес: *тяжелый, легкий; schwer, leicht*; ширина: *узкий, широкий; eng, breit*; объем: *большой, маленький; groß, klein*) на основе собственного или имеющегося в социуме стереотипного знания. Значимость признака для субъекта оценки (включенность в круг его интересов и потребностей) предопределяет его прагматический характер, в чем заключается еще одна особенность оценки: она не затрагивает онтологии мира [3: 14]. В этом оценка как результат вторичного, интерпретативного осмысления мира

отличается от дескрипции – приписывания объекту онтологических признаков (свойств и отношений, обусловленных средой их существования) как результата первичного осмысления мира (ср. рус.: *кирпичный, деревянный, лесной, молочный*; нем.: *gläsern, hölzern, eisern*)¹. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что как только онтологический по своей сути признак приобретает для говорящего значимость, то есть становится прагматическим по своему характеру (входит в круг интересов и потребностей говорящего субъекта), он становится основанием оценки, и выражение приобретает оценочный характер: *Это тебе не шлакоблочный, это кирпичный дом!* Здесь следует говорить об оценочности не на системно-языковом, а на речевом/контекстуальном уровне, оценка представляет собой в данном случае результат актуализации некоторых, связанных с основным признаком, которая обусловлена сравнением названных характеристик на основе имеющегося стереотипного представления о хорошем доме: *кирпичный – из кирпича – природного материала, обладающего хорошей теплоизоляцией и экологически чистого* – характеристики, воспринимаемые (по крайней мере, в европейской культуре) однозначно как положительные по сравнению с характеристиками шлакоблока. В подобных случаях часто говорят об оценке как дополнительной, добавочной информации, обусловленной фактором субъекта. Однако, на наш взгляд, и здесь, при реализации оценочного потенциала лексической единицы в тексте, речь идет не о привнесении оценочности извне, как добавочной стоимости, а об актуализации определенной части лексического значения, если под последним понимать «объективно сложившуюся в ходе истории общества систему знаний, которая стоит за словом, то, что объединяет носителей языка в понимании той или иной номинации [10: 58].

¹Ср. с широким пониманием оценки в концепции М.В. Никитина, считающего, что оценка возможна на каждом из пяти выделяемых им уровней: онтологическом, эпистемическом, прагматическом, эмотивном и репрезентационном [9: 66].

Таким образом, в языке следует различать оценку, фиксированную отдельным языковым знаком на системном уровне, и оценку контекстуальную, когда в лексическом значении слова на основе контекста или речевой ситуации актуализируется признак, имеющий особую значимость для говорящего и соответственно получающий знак «+» или «-».

Логика данных рассуждений приводит к необходимости рассмотреть проблему локализованности оценочного компонента в структуре лексического значения. Полусными в дискуссиях по этой проблеме являются точки зрения, согласно которым оценочный компонент относится к денотативно-сигнификативному или коннотативному блоку информации.

Широко распространенной является позиция, согласно которой оценочность имеет коннотативную природу, однако этот вопрос весьма неоднозначно решался в лингвистических работах разных временных периодов. В лингвистических работах по данной проблеме последних десятилетий [4], [5], [6], [14] утверждается точка зрения о тесной спаянности и неразрывности эмоционального и оценочного компонентов, которые часто рассматриваются как единый эмоционально-оценочный компонент: «Как правило, оценочность <...> и эмоциональность <...> не составляют двух разных компонентов значения, они едины, как неразрывны оценка и эмоция на внеязыковом уровне» [14: 65]. Учитывая, однако, подтвержденный сегодня последними психологическими исследованиями факт, что на внеязыковом уровне оценка вполне может существовать и без эмоции, логика последнего высказывания приводит к совершенно противоположному утверждению относительно соотношения оценочного и эмоционального компонентов. Признавая действительно тесную связь этих двух явлений, мы все же придерживаемся той точки зрения, что оценки и эмоции представляют собой различные ментальные пространства, имеющие обширное поле пересечения характеристик, но отличающиеся по своим онтологическим показателям (см. [21]).

Проблема места оценочного компонента в структуре языкового знака осложняется неким разнобоям в понимании сути коннотации и статуса коннотативного макрокомпонента в рам-

ках теории лексического значения слова. Если исходить из внутренней формы слова *коннотация* (*connotare* – ‘со-замечать’), то под этим термином следует понимать дополнительную к денотативно-сигнификативной информацию разного рода, не относящуюся к объекту характеристики и имеющую статус выводного знания. Коннотации не входят в денотат и не мотивированы логически [1: 81]. Эта точка зрения представлена и обоснована в более поздних работах В.Н. Телия о макрокомпонентном представлении значения номинативных единиц языка. К коннотативным компонентам плана содержания языковых сущностей в рамках данной модели относятся наряду со сведениями, соотносимыми с ассоциативно-фоновым знанием говорящих и стилистическими регистрами, сведения, соотносимые с рационально-оценочным и эмоционально-оценочным отношением говорящего к обозначаемому. Относя, с одной стороны, оценку к коннотации и различая рациональную и эмоциональную оценки, В.Н. Телия в то же время подчеркивает, что данные виды оценок четко разводятся по двум семантическим полюсам – рациональная тяготеет к дескриптивному аспекту значения (денотативному макрокомпоненту), а эмоциональная выражается в коннотативном макрокомпоненте, поскольку «со-характеризует» [11: 31].

Раздвоенное понимание природы оценочного значения – приписывание его и денотативному и коннотативному компонентам одновременно – связано с традицией объединения эмоции и оценки в единую сущность – эмоциональную оценку и противопоставления ее оценке рациональной. Рассматривая оценочность и эмотивность (= языковую реализацию эмоций) как самостоятельные языковые сущности, мы вопреки традиционному взгляду полагаем, что оценочность следует относить к денотативно-сигнификативной² сфере семантики языкового знака (см. [12], [16], [7], [21]), поскольку и в случае общей, и в случае частной оценки она отсылает к информации о свойствах, признаках, характеристиках объекта обозначения. Это обстоятельство объясняется самой структурой оценки, компонентами которой являются в том числе и аспект, и основание оценки. Так, например, в лексическом значении русского слова *умница* и немецкого

²Объединение денотата и десигната как сущностей идеального мира – результата отражения мира реального – в единый денотативно-сигнификативный блок информации, несмотря на разницу выполняемых ими функций, а именно номинативной/репрезентативной и дескриптивной/функции характеристики, обусловлено тем, что и тот и другой несут информацию (преломленную сознанием субъекта) об объекте реального мира – референте. При этом следует оговорить, что все же большей части оценочных слов – признаковым словам свойственно только сигнификативное значение.

Dummkopf денотативно-сигнификативный компонент, то есть часть значения, определяемая процедурами, связанными с категоризацией действительности на основе типового представления об обозначаемом, составляют семы *умный, прилежный, всегда все правильно делающий человек* и *„jmd., der sich in ärglicher oder zu kritisierender Weise dumm, unvernünftig verhält“* [17: 190]. Но все эти семы-признаки однозначно маркированы как положительные или соответственно отрицательные, и факт оценивания осуществляется выбором самого слова.

В отличие от оценочного эмотивный компонент значения не несет информации о предмете обозначения, а связан исключительно с выражением эмоционального отношения говорящего и как таковой относится к коннотации. Большой частью эмотивность присутствует в лексическом значении, содержащем оценочные семы, что объясняется знаком эмоции, вызванной оценочной деятельностью сознания. Так к денотативно-сигнификативному макрокомпоненту метафорического выражения *‘змея подколотная’* (ср. нем.: *falsche/listige Schlange*) относятся такие признаки, как *коварный, неискренний в своих поступках человек*, являющиеся оценочными по своей сути и рождающиеся как результат пересечения двух концептуальных областей (в смысле теории Лакоффа и Джонсона). При нейтральном эмоциональном отношении, которое, как правило, обусловлено отсутствием личного интереса к происходящему, говорящий выберет для характеристики человека, действующего коварно, за спиной другого, соответствующее прилагательное: в русском – *коварный*, в немецком – *hinterlistig*. Содержание денотативного макрокомпонента прилагательного *‘коварный’* и выражения *‘змея подколотная’* и соответственно выражений *‘hinterlistig’* и *‘listige Schlange’*, на наш взгляд, одинаковое, как и оценка. Однако последнее отличается от первого своей эмоциональной нагруженностью за счет все еще яркого образа – змеи, вызывающей в сознании как русского, так и немецкого человека такие эмоции, как отвращение и ненависть, который и позволяет говорящему выразить, а слушающему испытать это чувство-отношение. Подтверждение этой точки зрения мы находим у

А. Вежбицкой, представляющей сигнификативный и коннотативный аспекты значения слова с помощью метаязыка – определенной рамки, или фрейма: коннотативный аспект включен, по ее мнению, в модальную рамку «Я чувствую», а сигнификативный – в модальную рамку «Я хочу сообщить» [22: 146]. Используя этот принцип для объяснения структуры выражения *змея подколотная*, используемого для обозначения человека, мы получим две рамки: 1. Я хочу сообщить, что этот человек коварен; 2. Я чувствую к нему отвращение (ср. [20: 27 – 31]).

На разную природу оценочности и эмоциональности указывает Н. Фрис [19]. Автор работы утверждает, что эмоциональную оценку нельзя объяснить описательно, так как в этом случае речь не идет о реальных свойствах. При этом, однако, эмоциональная оценка, по его мнению, не должна рассматриваться автономно от фактического знания [19: 10]. Главной чертой эмоциональных аспектов значения Н. Фрис считает выражение эмоций – физических и душевных состояний говорящего – без их денотации.

Таким образом, подчеркивая условность разделения в лексическом значении понятийного, оценочного и эмоционального содержания, мы придерживаемся позиции, согласно которой оценочность как блок информации тесным образом связана с референциальной стороной языкового знака, что обусловлено связью оценки с квалификативной функцией сознания, в то время как эмотивный компонент информирует об эмоциональном состоянии говорящего, не касаясь сущностных признаков объекта номинации, и как таковой принадлежит коннотативному компоненту. Следовательно, языковые выражения, содержащие оценочную сему в сигнификативно-денотативной части значения, реализуют интеллектуально-логическую оценку, оценку «в чистом виде»; присутствие наряду с оценочной семой в ядерной части эмотивной семы в поле коннотации ведет к выражению одновременно и эмоции и оценки: оценочная сема связана с сущностной стороной обозначаемого объекта, эмотивная – с переживаемой говорящим эмоцией.

23.09.2010

Список использованной литературы:

1. Башкирцева О.А. Признаки денотата. Фоновые знания. Коннотации (к вопросу разграничения терминов) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 4. С. 79-83.
2. Богуславский В.М. Типология значений образных средств выражения оценки внешности человека. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. М., 1995. – 53 с.
3. Болдырев Н.Н., Магировская О.В. Языковая репрезентация основных уровней познания // Вопросы когнитивной лингвистики, 2009. № 2. С. 7-16.
4. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М., 1990. – 192 с.

5. Гак В.Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Вестник МГУ. – 1997. № 3, сер. 9. – С. 87-95.
6. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиа дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Монография. Москва-Волгоград, 2003.
7. Касьянова Л.Ю. Оценочная семантика нового слова // www.lib.csu.ru/vch/110/009.pdf.
8. Никитевич В.М. Грамматические категории в современном русском языке. – М.: Гос. учебно-педагогич. изд-во, 1963. – 263 с.
9. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики: Уч. пособие. - СПб.: Изд-во РГПУ им. А. Герцена, 2003. - 277 с.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2003. – 191 с.
11. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. – 143 с.
12. Филиппов А.В. К проблеме лексической коннотации // Вопросы языкознания. 1978. № 1. С. 57–63.
13. Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. 1976. №3. С. 66-71.
14. Цоллер В. Н. Экспрессивная лексика: Семантика и прагматика // Филологические науки, 1996. №6. С. 63–71.
15. Чернявская Е.А. Оценка и оценочность в языке и художественной речи (на материале поэтического, прозаического и эпистолярного наследия А. С. Пушкина): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орёл, 2001. - 20 с.
16. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1987. – 208 с.
17. Duden „Bedeutungswörterbuch“/ hrsg. u. bearb. von Wolfgang Müller. – 2., völlig neu bearb. u. erw. Aufl. – Mannheim; Wien; Zürich: Bibliographisches Institut, 1985.
18. Erdmann K.O. Die Bedeutung des Wortes. – Leipzig: Haessel Verlag, 1925. – 266 S.
19. Fries N. Bewertung. Linguistische und konzeptuelle Aspekte des Phänomens // Sprache und Pragmatik, 23, Lund 1991, S. 1-31.
20. Havryliv O. Pejorative Lexik. Untersuchungen zu ihrem semantischen und kommunikativ-pragmatischen Aspekt am Beispiel moderner deutschsprachiger, besonders österreichischen Literatur. – Peter Lang: Frankfurt a. M., 2003. – 155 S.
21. Schwarz-Friesel M. Sprache und Emotion. – Tübingen u. Basel: A. Francke Verlag, 2007. –401 S.
22. Wierzbicka A. Problems of expression: Their place in the semantic theory // recherches sur les systemes Signifiants. Symposium de Varsovie 1968. – The Hague: Mouton, 1973. – S. 145–164.

Сведения об авторе: Солодилова Ирина Анатольевна, заведующая кафедрой немецкой филологии и методики преподавания немецкого языка Оренбургского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 4202, тел. (3532) 372434, e-mail: solodilovaira@rambler.ru

Solodilova I.A.

Appraisal as a type of cognitive activity and a component of lexical meaning

The author regards the understanding of appraisal existed in frames of cognitive approach as a type of cognitive activity of a person and determines the place of evaluative component in the structure of lexical meaning of the world.

Key words: appraisal, cognitive activity, lexical meaning, evaluative component, emotive component.

Bibliography:

1. Bashkirtseva O.A. Features of the denotatum. Background knowledge. Konnotations (To tht question about differentiation of the terms)// Voprosy kognitivnoj linguistiki. 2009. № 4. S. 79-83.
2. Boguslavskij V.M. Typology of the meanings of the figurative expression“s means of the person“s appearance“s valuation. Avtoref. dis. ... d-ra filol.nauk. Int-t rus.yaz. im.A.S. Pushkina. M. 1995. – 53 s.
3. Boldyrev N.N., Magirovskaya O.V. Linguistic representation of the basic levels of cognition// Voprosy kognitivnoj linguistiki. 2009. № 2. S. 7-16.
4. Vasilyev L.M. Modern linguistic semantics. – M., 1990. – 192 s.
5. Gak V.G. Emotions and valuations in the structure of the statement and the text// Vestnik MGU. – 1997. № 3, ser. 9. – S. 87-95.
6. Zheltuhina M. R. Trope“s suggestibility of the mass medium discourse: about the problem of the speech influence of the tropes in the language of mass media: Monografiya. Moskva-Volgograd. 2003.
7. Kasyanova L.U. Value semantics of a new world// www.lib.csu.ru/vch/110/009.pdf.
8. Nikitevich V.M. Grammatical categories in the modern Russian language. – М.: Gos. Uchebno-pedagogich. Izd-vo, 1963. – 263 s.
9. Nikitin M.V. Basis of the cognitive semantics: Uch. posobie.- SPb.: Izd-vo RGPU im. A. Gertsena, 2003.- 277 s.
10. Popova Z.D., Sternin I.A. Studies about the cognitive linguistic. – Voroneszh : Istoki, 2003. – 191 c.
11. Teliya V.N. Konnotation“s aspects of the semantics of the nominative units. М.: Nauka, 1986. – 143 s.
12. Fillipov A.V. To the problem of the lexical konnotation// Voprosy yazykoznaneya. 1978. № 1. S. 57 – 63.
13. Harchenko V.K. Differentiation of the valuation, vigurativeness, expressivity and emotionality in the semantics of the world// Russkiy yazyk v shkole. 1976. №3. S. 66-71.
14. Tsoller V. N. Expressive vocabulary: Semantics and pragmatics// Filoligicheskie nauki, 1996. №6. S. 63 – 71.
15. Chernyavskaya E.A. Valuation in the language and the literary text (in the poetic, prose and epistolary heritage of A. S. Pushkin) : avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. ORyol, 2001. - 20 s.
16. Shahovskiy V.I. Categorisation of emotions in the lexico-semantic system of language. Voronezh: Izd-vo Voronezhsk. Un-ta, 1987. – 208 s.
17. Duden „Bedeutungswörterbuch“/ hrsg. u. bearb. von Wolfgang Muller. – 2., vollig neu bearb. u. erw. Aufl. – Mannheim; Wien; Zurich: Bibliographisches Institut, 1985.
18. Erdmann K.O. Meaning of the world. – Leipzig: Haessel Verlag, 1925. – 266 S.
19. Fries N. Valuation. Linguistic and conceptual aspects of the des phenomenon// Sprache und Pragmatik, 23, Lund 1991, S. 1-31.
20. Havryliv O. Pejorative vocabulary. Studies about their semantic und communicative-pragmatic aspekts with the example of the modern German, especially Austrian literature. – Peter Lang: Frankfurt a. M., 2003. – 155 S.
21. Schwarz-Friesel M. Language and emotion. – Tubingen u. Basel: A. Francke Verlag, 2007. –401 S.
22. Wierzbicka A. Problems of expression: Their place in the semantic theory// recherches sur les systemes Signifiants. Symposium de Varsovie 1968. – The Hague: Mouton, 1973. – S. 145 – 164.